

«Даровитейший ученик, несомненно будущий композитор»

Письмо композитора Глазунова о Дмитрие Шостаковиче, содержавшее эту оценку, одна из самых памятных находок во всей моей сорокалетней работе в архивах. Я наткнулся на него вроде бы случайно, но таков уж закон всякого поиска: только перелопатив горы «пустопорожней руды», можно обнаружить драгоценный самоцвет.

Николай ЗЕЛОВ

Продолжалась гражданская война. В городах нет хлеба, топлива, тиф косит людей, а музеи, театры открыты для народа. В деревнях и селах начинают работать новые школы, библиотеки, клубы. Знаменитые Леонид Собинов, Антонина Нежданова, Василий Качалов, Елизавета Гельцер, Александра Яблочкина выступают на заводах перед трудовым людом. Прямо на улицах Москвы поет хор Пятницкого, а в Петрограде на площадях звучит симфонический оркестр, которым дирижирует ученик и друг Римско-Корсакова композитор Александр Глазунов. Не замирает жизнь и в консерватории северной столицы, где Глазунов директорствует.

Под руководством выдающихся музыкантов там занимаются Юрий Шапорин, Павел Серебряков, Владимир Софроницкий - будущая гордость советской культуры. Осенью 1919 года сюда пришел и тринадцатилетний Митя Шостакович. Прослушав его, Глазунов был поражен способностями юного музыканта, посоветовав обучаться сразу по двум специальностям - фортепиано и теории композиции. «Шостакович - это одна из лучших надежд нашего искусства», - вспоминал слова Глазунова композитор Михаил Гнесин. А прослушав первые творческие опыты юного музыканта, Александр Константинович воскликнул: «Да ведь это какой-то новый Моцарт».

Будучи директором консерватории, Глазунов всегда заботился о своих подопечных, педагогах и особенно об учащихся. Он знал их нужды и старался, как только мог, облегчить подчас тяжелые условия существования. В любое время можно было войти в его служебный кабинет и получить совет, помощь. Осенью 1919 года, узнав, что профессор Института музыкальной драмы А. С. Ермаков едет в Москву и везет письмо известной детской писательницы Клавдии Лукашевич по поводу его ученика Шостаковича, Александр Константинович в тот же день взялся за перо. Лукашевич адресовала свое послание народному комиссару просвещения Анатолию Васильевичу Луначарскому: «Я позволяю себе обратиться Ваше внимание и ходатайствовать перед Вами о назначении пайка одному, несомненно выдающемуся по своему таланту, мальчику пианисту-композитору

Дмитрию Шостаковичу, - говорилось в письме. - Наступает гостная петербургская осень, а у него нет крепкой обуви, галош, теплой одежды. Кроме выдающегося музыкального дарования, я должна засвидетельствовать, что Митя Шостакович обладает благородным характером, возвышенной, чистой, детской душой, любит чтение и все прекрасное и необыкновенно скромно. В дорожной ему отрасли - музыке он не пропускает ни одного серьезного концерта, следит всегда за исполнением по партитуре и восторженно приветствует каждое удачное выступление».

Александр Константинович со своей стороны писал Луначарскому: «16 августа 1921 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Васильевич!

В Петроградской (адской) и государственной консерватории обучается по классу теории композиции и игры на фортепиано даровитейший ученик, несомненно будущий композитор Дмитрий Шостакович. Он делает колоссальные успехи, но, к сожалению, это вредно отражается на его болезненном организме, ослабшем от недостатка питания.

Покорнейше прошу Вас не отказать поддержать ходатайство о нем в смысле предоставления талантливейшему мальчику способов питания для поднятия сил его.

Примите уверение в моем глубоком уважении и совершенной преданности.

А. Глазунов».

Одновременно с этим письмом Александр Константинович обратился к Алексею Максимовичу Горькому с просьбой поддержать талантливого юношу.

Ходатайство не осталось без внимания. Дмитрию Шостаковичу назначили повышенный - «академический» - паек. Письмо руководителя консерватории подшили в одно из дел с корреспонденцией наркома Луначарского.

Будучи сотрудником отдела использования архива, я в 1965 году участвовал в подготовке выставки материалов Центрального государственного архива Октябрьской революции. Было включено в экспозицию и обнаруженное письмо А. К. Глазунова. Предварительно фотокопию документа показали З. А. Гаямовой, работавшей многие годы секретарем у Дмитрия Дмитриевича. Композитор в ту пору находился в больнице, и Зинаида Александровна не стала беспокоить его просьбой архивистов согласовать с ним использование этого письма на выставке. Всю ответ-

ственность за обнаружение письма и дальнейшую его публикацию без предварительного согласия композитора Гаямова взяла на себя. Выставка, организованная архивом в Центральном Доме журналиста, прошла с большим успехом, и письмо А. К. Глазунова вскоре было опубликовано на страницах газеты «Советская культура».

Через две-три недели нас весьма встревожил звонок Зинаиды Александровны - она приглашала зайти к ней. В мыслях было одно: очевидно, наша затея не понравилась композитору.

Но волнения оказались напрасными. Зинаида Александровна рассказала, что, просмотрев пачку вырезок из газет с заметками, статьями, рецензиями, представленными Дмитрию Дмитриевичу, как и во всякий день, секретарем, композитор оставил себе заметку о выставке и письме. Показал публикацию сыну Максиму, родственникам. По словам Зинаиды Александровны, письмо Шостаковича взволновало, напомнило консерваторию, любимого учителя. Позднее его фотокопия экспонировалась на многих выставках, где представлялись и другие документы, свидетельствующие об исключительной заботе Наркомпроса и Центральной комиссии по улучшению быта ученых о талантливом ученике Петроградской консерватории. Среди них безусловно привлекало внимание посетителей и письмо А. К. Глазунова, датированное 1923 годом:

«Питомец Петроградской государственной консерватории Дмитрий Шостакович обладает исключительно разносторонним музыкально-художественным дарованием. У него яркий композиторский талант, рано обнаружившийся, и несмотря на свой юный возраст (ему еще нет 17 лет), Шостакович в совершенстве овладел техникой письма, - писал в 1923 году А. К. Глазунов в Наркомпрос. - Вместе с тем он прекрасный законченный пианист. Нет сомнения в том, что Шостаковича ожидает блестящая музыкально-художественная карьера, но, к сожалению, здоровье его пошатнулось. У него обнаружился тубер-

кулез желез, и врачи отправили его на лечение в Крым. Было бы крайне желательно немедленно принять меры к окончательному восстановлению здоровья этого замечательного юного художника и поддержать его материально. Гибель такого человека была бы невозвратимой потерей для мирового искусства.

А. Глазунов.
Петроград, 23 июля 1923 г.»

Александр Константинович и позднее внимательно следил за учебной и жизнью талантливого ученика, присутствовал на его выпускных экзаменах. В архиве Петербургской консерватории сохранились и такие замечательные отзывы Глазунова о Шостаковиче. В 1922 году он писал: «Исключительно яркое, рано обрисовавшееся дарование. Достойно удивления и восхищения. Прекрасная техническая фактура, интересное и оригинальное содержание. 5+. А. Глаз.» А в 1925 году - «Яркое, выдающееся творческое дарование. В музыке много фантазии и изобретательности. Находится в периоде искания. А. Глазунов».

...Бережно храню в своем личном архиве фотокопию найденного когда-то письма о Шостаковиче-подростке, как и фотографию Дмитрия Дмитриевича с адресованной мне дарственной надписью - знак признательности за находку и публикацию неизвестного обществу письма моего наставника и учителя. Об этом письме он узнал спустя почти сорок пять лет после его написания.

